

Историческая память и фольклорная традиция: социально-философский анализ

Мирошников О. А.

*доктор философских наук, профессор
Гуманитарно-педагогическая академия КФУ им. В. И. Вернадского»
(Ялта, Россия)*

Формулировка проблемы. Исследователи в целом достаточно единодушны в понимании того, что фольклор доносит до нас события прошлого лишь в превращенных формах. Однако не всегда оказывается возможным в полной мере оценить именно положительную роль подобного «превращения».

Цель исследования. На примерах, взятых из истории отечественной литературы и фольклора показать, как работает механизм традиции и каковы временные рамки исторической памяти.

Текст. Историческая память народа в какой-то степени можно считать подобной памяти отдельного человека. Та и другая являются своего рода «кривым зеркалом»: они не в равной степени отражают былое, подавая крупным планом события недавнего прошлого и не столь детально – события более отдаленные. Традиция в донесении до нас прошлого более правдива: здесь элементы старого и нового ведут между собой довольно сложную игру, в которой новое не всегда оказывается в выигрыше.

Каковы возможности исторической памяти? Если под этим подразумевать способность отражать события древнейших времен, то историческая память достаточно ограничена. Нельзя пытаться отыскать в исторической памяти народа события, относящиеся к той эпохе, когда сам данный народ еще не существовал, тем более, события тех времен, когда вообще не начали складываться этносы. Неправ Б. Рыбаков, когда ищет и находит в русском фольклоре свидетельства охоты первобытных людей на мамонтов и т.п. Не способна историческая память донести до нас ни то, как выглядел мамонт, ни то, как устраивали первобытные люди ловушки на этих гигантов.

Однако фольклор не вполне достоверен и тогда, когда речь идет и о событиях далеко не столь давних. Поскольку изменяется, развиваясь, язык, нередко бывает затруднительно объяснить слова, возникшие менее тысячи лет назад. Немало копий сломано по поводу происхождения имен (вернее, прозвищ) таких персонажей русского фольклора как Баба Яга и Кощей Бессмертный. Кощей, кстати, не только сказочный персонаж; худого человека называют «кощеем», в иллюстрациях и экранизациях соответствующих сказочных сюжетов Кощея изображают «живым скелетом». Действительное, более близкие к нашему времени языковые формы делают возможной аналогию «кости – Кощей». Однако около тысячи лет назад языковые формы были иными; в частности, древнерусский язык широко заимствовал слова из языков тюркских народов (например, базар, башмак, деньги – таньга). Относительно слова «кощей» О. Сулейменов отмечал, что здесь перед нами калька с половецкого «кощщи» - кочевник (Аз и я, с. 159). Такая аналогия представляется нам достаточно основательной и мы к ней еще вернемся.

Что же касается прозвища «Баба Яга», то можно обнаружить как отсутствие полного его понимания, так и попутки более или менее удовлетворительного ее объяснения уже у самих сказочников – народных сказителей. В некоторых записях сказки о Бабе Яге о ней говорится «ягая баба» и даже «бурая баба» - явная попытка объяснить прозвище этого сказочного персонажа цветом его кожи. Такое объяснение, конечно, не может удовлетворить. Однако некоторые объяснения специалистов выглядят не намного более убедительными. Например, связывается это прозвище с монгольским игом и переосмысливается как слегка искаженное «бабай ага». Последнее якобы означает по-татарски «старый господин».

Представляется, что ключ к объяснению прозвищ как одного, так и другого сказочного персонажа дает фраза из «Слова о полку Игореве». Автор этого величайшего произведения древнерусской литературы обильно включает тюркские слова (взятые, в основном, из кыпчакского языка) в свой текст. Среди его обращений к русским князьям, призывающих к единству перед лицом опасного врага, привлекает внимание фраза, обращенная к суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, чье многочисленное войско могло «Волгу веслами раскропити». Автор «Слова» говорит: «Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане» (Повести, с. 490). Здесь имелись в виду под словом «кощей» взятый в плен половец (следует вспомнить объяснение Сулейменова на этот счет), под словом же «чага» - плененная половчанка. Пленных обычно обращали в рабов; большое количество захваченных в плен понижало цену – ногата и резан были самыми мелкими монетами того времени. Смысл обращения в том, что многочисленное войско суздальского князя обеспечило бы убедительную победу над кочевниками, с большой добычей, в частности, с большим количеством пленных кочевников.

Итак, слова «кощей» и «чага» в совокупности обозначали половцев. Именно в этой форме и с этим значением они перешли из языка половцев в древнерусский язык и в русский фольклор соответственно. Отношение к персонажам, обозначаемым этими словами, было враждебным, опасливым. Однако вскоре половцы исчезли. Они перестали существовать также и в фольклоре: в былинах место половцев заняли татары; в сказках происходили изменения несколько иного порядка. Слова, обозначавшие кочевников, сохранились: «кощей» без изменений, «чага» претерпела изменение незначительное. В последнем слове буква «ч» была заменена буквой «й». Лингвистика допускает подобные замены (например, «чудо-юдо»), в нашем примере слово чага трансформировалось в слово яга. Но до неузнаваемости изменилось содержание слов чага и кощей: вместо представителей реально существовавшего народа перед нами сказочные персонажи с казалось бы не поддающимися объяснению прозвищами. Подобная подмена в фольклорной традиции, однако, не является такой уж редкостью. Например, на территории Шотландии в древности обитал народ пиктов, впоследствии исчезнувший. Но фольклорная традиция сохранила само имя этого народа, связав его со сказочными существами.

В фольклорной традиции имена сказочных героев претерпевают изменения. Можно с уверенностью говорить о том, что если сюжеты многих сказок тысячелетней давности в общем сохранились до нашего времени, то самих героев этих сказок в древности звали иначе. Наиболее часто встречаемые в эпоху первых записей народных сказок имена (например, Иван, Марья) не были распространены тысячу лет назад. Имена, разумеется, уже тогда были христианские, но такие, которые в наше время либо вовсе не встречаются, либо встречаются довольно редко. Имя Иван среди русских князей распространяется в период монгольского ига, однако фольклор несколько более консервативен, чем реальность. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что имя Иван входит в русский фольклор не ранее времени правления Ивана Грозного. Прежде всего, конечно, следует говорить о самом Иване Грозном, оставившем значительный след в русском фольклоре. Однако первым Иваном-царевичем русского фольклора можно считать лишь сына Ивана Грозного, также носившего имя Иван и трагически погибшего от руки отца. Фольклор хранит память о конфликте между отцом и сыном, значительно, однако, смягчает его развязку. Имеется в виду историческая песня «Гнев Ивана Грозного на сына». Содержание песни вкратце таково: Малюта клеветнически обвиняет царевича в измене, царь верит своему «верному слуге» и велит ему отвезти царевича на «поганую лужу» и отрубить ему там голову. Прознав об этом Никита Романович (дядя царевича, давший начало династии Романовых) перехватывает Малюту с обреченным на смерть царевичем. Ударив Малюту по щеке, Никита Романович говорит ему: «Не за свой ты кус примаешься, / Ты етим кусом подавишься!» - и спасает

царевича (Историч.песни, с. 129 - 130). В известных нам редакциях песни сын Грозного нигде не назван Иваном-царевичем, но это, вне всякого сомнения, первый Иван-царевич русского фольклора.

Вывод. На основании рассмотренных фактов можно сделать вывод об относительно узких рамках исторической памяти (в пределах полутысячелетия). Что же касается фольклорной традиции, то ее временной пласт более глубок: она способна донести до нас понятия, смысл которых не в силах сохранить историческая память.

Литература:

1. Исторические песни. Баллады. – М.: Современник, 1986. – 622 с.
2. Повести Древней Руси. – М.: Эксмо, 2009. – 734 с.
3. Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: Жазуши, 1975. – 303 с.